
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09

Правильная ссылка на статью:

Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130—144. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09.

For citation:

Mikhaylova E. A. Russian Cossacks: factors of self-identification. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 130—144. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09.

Е. А. Михайлова

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ФАКТОРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ФАКТОРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

МИХАЙЛОВА Елена Александровна — кандидат социологических наук, директор по исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доцент кафедры социологии и гуманитарной культуры НИЯУ МИФИ.

*E-MAIL: socio-expert@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4509-9337*

RUSSIAN COSSACKS: FACTORS OF SELF-IDENTIFICATION

Elena A. MIKHAYLOVA^{1,2} — Candidate of Sociology, Research Director; Associate Professor of Sociology and Humanitarian Culture

*E-MAIL: socio-expert@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4509-9337*

¹ Russia Public Opinion Research Center (VCIOM)

² National Research Nuclear University MEPhI

Аннотация. Статья представляет собой описание комплексного социологического исследования казаков, проведенное в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Передающиеся из поколения в поколения ценности формируют особое мировосприятие, в основе которого — патриотизм, стремление к участию в социально значимой деятельности по охране территорий и обеспечению правопорядка, воспитанию подрастающего поколения. Размытость социального статуса, законодательное (формальное) разделение казачества на реестровое

Abstract. The article presents a description of the complex sociological study of the Cossacks conducted in the subjects of the North Caucasus Federal District. The values of the Cossacks, handed down from generation to generation, form a special world view, based on patriotism, aspiration for participation in socially significant activities to protect the territories and ensure law and order, and the upbringing of the younger generation. The dilution of the social status, the legislative (formal) division of the Cossacks into the register and the public lead to serious problems that prevent the real-

и общественное приводят к серьезным проблемам, препятствующим реализации потенциала казачества как субъекта обеспечения безопасности и стабильности в регионах присутствия.

Ключевые слова: казак, идентичность, безопасность, патриотизм, защита границ, ценностные ориентации.

Благодарность. Исследование выполнено при грантовой поддержке, оказанной Национальным благотворительным фондом (грант № 351-2016).

ization of the potential of the Cossacks as a subject of ensuring security and stability in the regions of presence.

Keywords: Cossack, identity, security, patriotism, border protection, value orientations

Acknowledgment. This research was financed by the National Charitable Foundation (grant № 351-2016).

Казачество в течение многих веков играло важную роль в политической и социокультурной жизни России. На территориях присутствия казачества функционировали особые целостные системы, характеризующиеся наличием особых принципов управления и хозяйствования, что позволяло эффективно осуществлять функции по охране границ и освоению территорий.

Начавшийся в постперестроечный период процесс активного возрождения казачества, пересмотра его истории, роли и места в жизни общества сопровождался рядом сложностей и противоречий, носил стихийный характер. В условиях аномии, возникшей в результате распада советской политической системы, раздробленности казачьих объединений, несогласованности видения их лидерами стратегических целей, задач и методов деятельности на повестку дня был вынесен вопрос о необходимости институционализации казачества на федеральном уровне. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» (15 июня 1992 г.) определил возможность создания станичных, войсковых, окружных и иных традиционных казачьих обществ и т. д. Посредством принятия в 1994 г. Концепции государственной политики по отношению к казачеству была создана нормативная модель взаимодействия государства с казачьими территориальными объединениями. Казачество наиболее активно возрождалось на территориях его традиционного проживания и осуществления хозяйственной деятельности, что в значительной степени обусловлено как положениями Закона о репрессированных народах, так и правовым статусом коренных народов, позволяющим воспользоваться правом на контроль над ресурсами своей территории.

Процесс возрождения социокультурных практик казачества сопровождался декларируемым стремлением к воссозданию духовных традиций, проведением фестивалей, созданием казачьих фольклорных коллективов, музеев казачества и т. п. Стали активно развиваться формы социальной организации казаков, такие как казачьи школы и корпуса, муниципальные казачьи дружины. Однако формирование организационно-политического механизма казачества продолжало но-

сить стихийный характер и во многом было обусловлено позицией региональных властей, их готовностью к оказанию содействия социально-политической институционализации казачества и привлечению казаков к государственной службе.

Начало нового тысячелетия привело к возникновению новых противоречий в определении статуса и правового положения казачьих общин. Из правового поля было выведено понятие «станции» как формы организации хозяйственной жизни и административно-культурного центра жизни казаков. В «Стратегии государственной национальной политики в РФ на период до 2025 г.» казачество как особая группа не выделено.

Северо-Кавказский регион является территорией традиционного массового проживания казаков. В условиях необходимости решения стратегической задачи не только по снижению объемов массового, но и возвращению русскоязычного населения в регионы Северного Кавказа казачество может играть особую роль. Казачество, сочетая в себе элементы русской культуры и кавказского менталитета, может оказаться прочным базисом для сохранения присутствия русских на Северном Кавказе и притока их семей на Кавказ.

Однако процессы возрождения казачества, сохранения норм и традиций в этой группе связаны с рядом проблем. Манифестация этнических форм культуры казаков часто сводится к воссозданию отдельных ее элементов и демонстрации внешних атрибутов, приводя в итоге к размыванию целостного восприятия казаками себя как личностей. В течение последних десятилетий казаки пытаются восстанавливать на Северном Кавказе традиционные рекреативные механизмы хозяйствования и несения военной службы, однако продолжают оставаться альтернативными, вспомогательными структурами. Анализ положения казаков на Северном Кавказе, процесса воспроизводства норм и ценностей их культуры — важное условие прогнозирования динамики социальных и этноконфессиональных процессов в СКФО.

В настоящей статье представлен опыт организации и проведения комплексного исследования казаков, проживающих на Северном Кавказе «Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона¹», реализованное Всероссийским центром изучения общественного мнения и Центром стратегических исследований религии и политики современного мира при грантовой поддержке, оказанной Национальным благотворительным фондом в октябре 2016 — августе 2017 гг. Фактически это первое исследование по изучению особенностей жизни казаков в регионах Северного Кавказа. Оно включало в себя как качественные методы сбора информации (фокус-групповые интервью и экспертный опрос), так и количественный опрос казаков.

Основа для построения выборочной совокупности опроса — данные Всероссийской переписи населения 2010 г., которых оказалось достаточно для решения базовых целей и задач исследования, хотя реальная численность казаков в регионах СКФО может отличаться от данных Росстата — многие казаки в графе «национальность» указывают на свои русские (или иные этнические) корни. Количественный опрос по стандартизированной анкете проводился в семи

¹ Развернутая версия отчета по результатам исследования представлена на сайте http://kavpolit.com/media/upload/files/csi/K_i_2_a5.pdf.

субъектах Российской Федерации, расположенных в Северо-Кавказском федеральном округе. В каждом из регионов опроса реализована схема выборочной совокупности, обеспечивающая многоступенчатую стратифицированную территориальную, случайную выборку респондентов, репрезентирующую казачье население по половозрастным характеристикам. Общий объем выборочной совокупности опроса составил 750 респондентов. Сбор информации осуществлялся в местах локального проживания казаков.

Социальный портрет казаков

В соответствии с самовосприятием представителей группы, основными чертами казаков можно считать: свободолюбие, независимость (*«Казак тем и отличался от мужика, что он был вольный, под барином не был, жил для себя, для своей семьи. Сейчас он тоже ни под кем, он сам по себе, подчиняется атаману или выше по инстанции»* (Фокус-группа (далее — ФГ), Дагестан)), патриотизм (*«Патриоты не только своего казачества, а патриоты страны своей Родины»* (ФГ, Кабардино-Балкария)), ответственность (*«Благородство, ответственность перед людьми, которых ты защищаешь»* (ФГ, Ставропольский край)), уважение к старшим, следование традициям (*«Уважение к традициям, уважение к старшим, к женщинам, поведение, которое должно быть достойным. Не просто сказать, что казак родовой — он должен показать это своим поведением»* (ФГ, Республика Северная Осетия)).

К числу основных характеристик, специфичных для казаков как социальной группы (и позволяющих казакам себя с ней идентифицировать), относятся следующие.

- Четкое осознание особых функций по обеспечению безопасности государственных границ, традиционно выполнявшихся казаками и формирующих установки на активное участие в деятельности по защите территорий: *«Чем отличается казак? Казака позовут, скажут: «Иди на службу». Он не спросит, а что мне за это будет, как это сделает другой»* (ФГ, Ингушетия); *«Воины христовы. Они всегда были воинами, ими и останутся, этого не забрать»* (ФГ, Кабардино-Балкария); *«Это полувоенная, полугражданская группа. В мирное время он пахарь, в военное время он воин. Не было случая, чтобы кто-то попал в плен или чем-то опозорил себя»* (ФГ, Ингушетия).
- Жесткое следование морально-этическим нормам, воспроизводимым в процессе социализации в семье: *«Дисциплина, выдержка, рассудительность, традиции. Получается культура историческая»* (ФГ, Ставропольский край).
- Высокая социальная активность, готовность к добровольному участию в судьбоносных для страны проектах (при этом стимулом к такой активности выступают ожидания со стороны социального окружения, сформированный образ казака как активного субъекта обеспечения безопасности — в том числе при возникновении бытовых конфликтов и рисков). Такое восприятие казаков в общественном мнении формирует их особые ожидания и установки, добровольное принятие ими функций по урегулированию конфликтов: *«Самое главное то, что люди не сидят на месте. Почему все сидят дома, свет не горит на улице, кто пойдет выяснять? Шум, драка на улице. Кто-то пойдет туда разбираться? Конечно, все ждут, что казаки. Общественное мнение*

влияет» (ФГ, Ставропольский край); *«Хоть нас и не привлекают — мы сами привлекаемся. Мы сами работаем. Без денег, без зарплаты, без ничего»* (ФГ, Ингушетия).

- Высокий уровень сплоченности, мобилизационный потенциал как социальной группы: *«Общинность. Самая главная ценность — это наша община и возможность самоорганизации. Пока мы вместе, мы действительно сила. Казак и один в поле воин, но он результат своей общины тоже»* (ФГ, Ставропольский край).

Принадлежность к казакам как социальной группе, в отличие от принадлежности к национально-этническим группам, не является аскриптивным статусом. Передаваемый по наследству через систему ценностей, он может быть утрачен в результате смены социальной среды. Наиболее выражена и устойчива идентичность казаков именно в локальных группах, и прежде всего — по базовым характеристикам, отличающимся от внешней среды. Эти свойства наиболее выражены именно в национальных республиках Северного Кавказа.

Длительный советский период привел к деформации системы воспроизводства ценностной системы казаков — в ряде семей казаки отказывались от своей идентичности, старались не акцентировать внимание детей на принадлежности к группе на этапе воспитания. Тем не менее те казаки, в семьях которых из поколения в поколение удалось передать базовые ценности казачества, характеризуются четко выраженной гордостью своей принадлежностью к группе, причем в основе этого чувства — поклонение перед памятью о подвигах и воинской доблести своих предков: *«Исходя из каких-то своих внутренних ощущений — этим гордишься. Для чего столько предков полегло? Чтобы просто забыть? Это как-то неправильно было бы»* (ФГ, Чеченская республика).

Система идентичностей казаков

Наиболее значимые противоречия возникают при определении статуса самой группы и ее места в социальной структуре: если в дореволюционной России казаки были отдельным социальным сословием с четко выделенными функциями, в современных реалиях их статус носит размытый характер, трактуется неоднозначно.

Казаки часто рассматриваются как этническая группа. В Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. казачество определяется как «исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей». Родовые казаки (наследники казаков, идентифицирующие себя с казаками) часто определяют себя как отдельную этническую общность с присущими исключительно ей чертами. В то же время такой подход недостаточно корректен: при доминировании этнических русских (прежде всего, реестровых) среди казаков можно встретить и представителей других национальностей. Казачество было во все времена по своему составу многонациональным, включало в свои ряды не только русских, но и поляков, украинцев, евреев, немцев, бурят, калмыков, молдаван, осетин, якутов, ногайцев, башкир и представителей других народов. Встречаются и другие подходы, например, рассматривающие казаков как занятую особой профессиональной деятельностью по обеспечению безопасности часть русского народа.

Анализ самоидентификационных признаков, в соответствии с которыми казаки соотносят себя с группой, также не позволяет четко определить ее статус и место в системе общественных отношений.

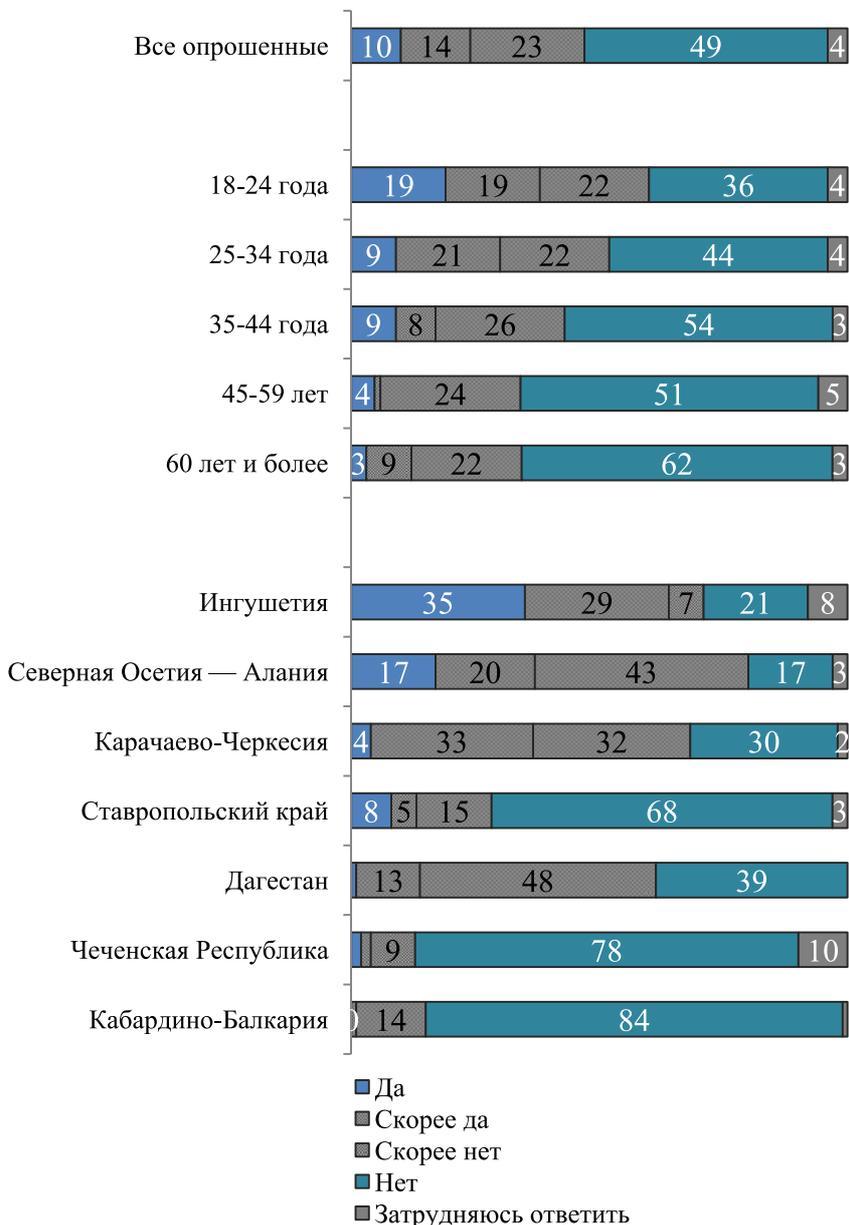

Рисунок 1. Может ли считаться казаком некрещеный человек или атеист? (в % к числу опрошенных)

Казачество играет важную роль в системе воспроизводства традиционных ценностей в регионах присутствия. Именно этот признак, по мнению казаков, отличает их от большинства других россиян (в том числе русских): *«Мы вообще отличаемся от жителей средней полосы России. Нашей православной верой, нашей казачьей традицией. У нас эти вещи в крови. Этим и отличаемся»* (ФГ, Чеченская республика).

Ядром ценностной системы группы выступает православная вера: *«Без веры нет казака. Трудно представить казака без Христа»* (ФГ, Кабардино-Балкария); *«Самое важное у казаков — это вера. Мы даже раньше присягу давали: «За Веру, Царя, Отечество». Вера, семья — это самое главное. Может быть, это банально, но еще и патриотизм, любовь к Родине»* (ФГ, Чеченская республика).

Церковь как социальный институт выступает одним из базовых цементирующих элементов поддержания нормативных образцов для казаков. Открытие православных церквей, воскресных школ для детей на Северном Кавказе — важные позитивные изменения, благодаря которым казаки региона стали чувствовать себя увереннее.

В тех общинах, где казачий круг продолжает выполнять функции высшего органа управления, принятие решений осуществляется с обязательным присутствием представителей духовенства.

Большинство казаков, проживающих на Северном Кавказе (72 %) уверены в неотделимости православия от казачьей идентичности (см. рис. 1). Однако если старшее поколение рассматривает приверженность православной вере как неотъемлемый атрибут принадлежности к казакам как социальной группе, то молодое поколение не считает вероисповедание ключевым (и обязательным) критерием, в соответствии с которым можно идентифицировать казаков. Так, если среди представителей возрастной группы от 45 до 59 лет только 5 % допускают, что казаком может считаться атеист или некрещеный, то среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет более трети не видят особой связи между приверженностью православной вере и возможностью принадлежности к казачеству.

У более половины (64 %) опрошенных казаков в Ингушетии в равной степени выражены религиозная и казачья идентичность; похожую картину можно наблюдать в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии (37 %). Наиболее жестко закрепляют связь между казачеством и православием представители Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чеченской республики и Ставропольского края.

В системе самоидентификации казаков Северного Кавказа наиболее сильно выражены две идентичности: гражданская (47 % выбрали ее в первую очередь, а 38 % указали в качестве второй или третьей по значимости) и непосредственно казачья идентичность (см. рис. 2). Стоит отметить, что национальная (прежде всего русская) самоидентификация сильно уступает казачьей, в общей сложности ее выбрали менее половины респондентов. Региональную идентичность («гражданин своей республики/края») по всем трем вопросам указали 43 % опрошенных. Религиозную идентичность отметило 37 % казаков.

Как правило, в результате длительного проживания в локальных общинах казаки могут рассматриваться скорее как закрытая социальная группа (несмотря на их активное участие в социальной жизни общества) ввиду сильного тяготения

к сохранению традиционных ценностей и самоидентификации себя как членов особой, характеризующейся специфическими особенностями социальной группы. Территориальная идентичность для казаков — это не идентичность с общностью, проживающей в регионе/республике или городе, а отнесение себя к узкой группе казаков по наделяемым особыми смыслами признакам, в том числе — привязкой к конкретному, физически очерченному географическому пространству.

Рисунок 2. К кому из перечисленного Вы бы отнесли себя в первую очередь? А что бы Вы поставили на второе место? А на третье место? (в % к числу опрошенных)

В Дагестане, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии заметно слабее выражена казачья идентичность, чем в остальных регионах Северного Кавказа, что обусловлено спецификой проживания казачьих общин на данных территориях. Она чаще замещается религиозной идентичностью, значение которой усиливает доминирование представителей ислама.

Неоднозначна этническая идентификация казаков. Для части казаков характерно стремление к националистической идее — они считают, что казаками могут быть только имеющие русские корни. Другие же не отрицают права называться казаками представителей других этнических групп, придерживающихся православия (хотя и этот признак, как было указано выше, не всегда рассматривается как обязательный). В данном случае расхождения обусловлены в значительной степени разделением казаков на общественных и реестровых — на группы, в которые в силу не только убеждений, но и рациональных рассуждений вступают в условиях современных реалий представители других этнических групп и конфессий.

Согласно мировоззрению, передающемуся от старших поколений в отдельных общинах, социальное окружение может делиться на три сегмента (в зависимости от степени близости культуры и взглядов): казаков (близкий круг), «иногородних» (представителей других славянских народов, придерживающихся православной

веры) и «инородцев» (представителей других этнических групп и конфессий). Это во многом определяет наличие социальной дистанции между различными представителями казачества: *«Когда ты судишь о человеке, ты должен исходить только из этих категорий. Все. Что такое иногородец — человек, там русский, украинец, и так далее, он не казак, но он православный. Это другого рода. Но осетин, будь ты православный, будет всегда в категории инородец»* (ФГ, Кабардино-Балкария).

Для казаков характерен высокий уровень сплоченности и взаимовыручки (прежде всего на локальном уровне), что лежит в основе укрепления казачьей идентичности и ее расхождения с национальной (русской) идентичностью. Готовность к самоотдаче, бескорыстному служению во благо обществу, жертвованию своими интересами поддерживается осознанием защищенности со стороны казачьей общины, возможностью получить поддержку в случае возникновения проблем. Однако при этом ожидается и получение аналогичной поддержки не только со стороны узкого круга казаков, но и в целом со стороны государства.

В то же время на Северном Кавказе наблюдается актуализация региональной/территориальной казачьей идентичности и ее расхождение с гражданской (российской) идентичностью: *«Для молодых казаков, может быть, первостепенное значение имеет региональный компонент. В Москве казачий кадетский корпус или Шелуховский, он тебе отвечает: «Служу России!» А тут: «Служу отечеству, Кубани...» А у Донских казаков: «Служу отечеству, Христу и Дону». Вот региональный донской и кубанский компонент. Очень важный»* (ученый, Москва).

Степень открытости, готовность к взаимодействию с другими культурами

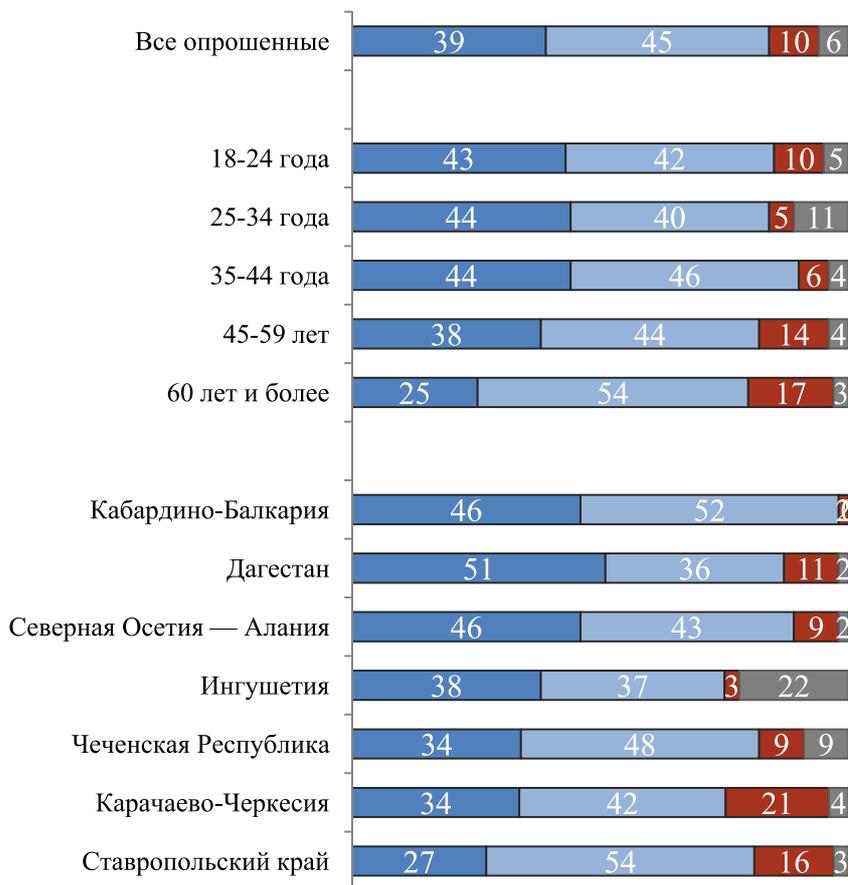
Изучение материалов архивов позволяет историкам прийти к выводу, что казаки всегда уделяли особое внимание вопросам установления прочных межэтнических отношений, а отношение казаков к разным народам и этническим группам всегда было лояльным. В то же время взаимодействие казаков Северного Кавказа с представителями различных национальностей имеет свои особенности. Так, зачастую русские испытывают завышенные ожидания, связанные с выполнением казаками функций не только по обеспечению безопасности в территориальных пунктах проживания, но и по решению межличностных конфликтов: *«Есть русские, у которых к казакам претензии — якобы казаки что-то обязаны делать для них, защищать. Вот подходят и говорят — вот у меня там такой сосед, я вот с русской общины. — Вас в пять раз больше. — О, так это ж русские, вы ж казаки, вы ж это должны делать, вы должны разобраться»* (ФГ, Кабардино-Балкария). Такой статус и ожидания лежат в основе идентификации относящих себя к родовым казакам этнических русских как особой, отличной от другого русского населения группы.

Казаки в республиках Северного Кавказа ощущают, что отношение к ним отличается от отношения к русским в целом — они пользуются большим уважением, гораздо реже сталкиваются с какими-либо притеснениями или дискриминацией по этническому признаку. При этом наиболее часто открытую неприязнь к ним проявляют русские.

Сохранению социальной дистанции между этническими русскими и казаками способствует пассивное отношение русских к участию в решении проблем, низкий уровень сплоченности русского населения при высоком уровне взаимопомощи, присущей казакам — в случае возникновения конфликтной ситуации казаки

не рассчитывают на получение поддержки со стороны русских, не идентифицирующих себя с казачеством: «В любой точке мира, если что-то случится, я буду кричать: «Я русский! Но русские — мимо пройдут, а если я казака найду, я уверен, что мне сразу помогут» (ФГ, Кабардино-Балкария).

Длительное совместное проживание с другими народами Северного Кавказа привело к взаимопроникновению культур: многие казаки за пределами своих регионов воспринимаются как «кавказцы», а тех представителей других народов, которые служили в казачьих войсках, стали идентифицировать, прежде всего, как представителей казачества.

- Это абсолютно нормальная ситуация, считаю такой брак для себя возможным
- Это допустимая ситуация, однако для себя я ее не считаю возможной
- Это абсолютно недопустимо
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 3. Как Вы относитесь к бракам казаков с представителями других национальностей? (в % к числу опрошенных)

Отношение казаков к межнациональным бракам косвенно свидетельствует о тяготении к сохранению целостности группы, ее закрытости (см. рис. 3). Большинство опрошенных допускают брак казаков с представителями других этнических групп / национальностей, однако только 39% считают такую ситуацию приемлемой для себя / своей семьи (45%, в целом лояльно относясь к подобным союзам, сами не готовы были бы к вступлению в такой союз). Среди казаков старшего возраста (45 лет и более) преобладают более консервативные оценки межнациональных браков. В возрастной группе от 45 до 59 лет недопустимым такой брак считают 14% опрошенных, среди респондентов старше 60 лет — 17%.

Брак между представителями разных конфессий считает приемлемым каждый второй казак, однако лишь треть респондентов допускает для себя лично вступление в такой брак. Недопустимым такую практику в большей степени считают представители старшего поколения (от 35 до 59 лет) — 18%.

Уровень доверия православных казаков к мусульманам (как и к представителям других конфессий) гораздо выше, чем к атеистам, неверующим людям — вера воспринимается как основа мировоззрения, показатель надежности человека: *«Легче, конечно, с верующим человеком построить отношения мне как казаку, с верующим мусульманином, чем с атеистом, потому что у него есть как бы тоже свои заповеди, он их соблюдает. Тоже есть страх божий»* (ФГ, Ставропольский край); *«Если неверующий — для меня, например, будет предостережением, потому что верующему больше доверяю»* (ФГ, Ингушетия). Четко идентифицируя себя с православием, большинство казаков не считают различия между основными мировыми религиями принципиальными и непреодолимыми, отмечая схожесть базовых ценностей и принципов, которыми руководствуются придерживающиеся разных вероисповеданий.

Именно высокая степень приверженности православной вере обеспечивает особый статус казаков в системе общественных взаимоотношений на Северном Кавказе, где большинство населения составляют верующие, и обуславливает иное восприятие их, чем этнических русских, достаточно пассивно относящихся к соблюдению православных традиций. И в то же время принадлежность той или иной конфессии не становится формальным, нормативным требованием для отнесения к данной группе, на неформальном уровне не выступает в качестве неотъемлемого атрибута приписываемого статуса (что приводит к формированию противоречий и расслоению в среде казаков).

Большинство казаков нейтрально относятся к людям, придерживающимся альтернативных взглядов на жизнь (65%). Наиболее негативное отношение к носителям других ценностей сложилось в Чеченской Республике. Однако в целом казаки относятся к другим группам скорее безразлично — стремление к большему познанию культур других этнических и социальных групп выражает менее трети (в Ингушетии о стремлении понять людей, придерживающихся других мнений и ценностей, заявило лишь 11% опрошенных казаков). Наибольший потенциал снижения межкультурной дистанции между казаками и другими группами наблюдается в Кабардино-Балкарии, где каждый второй опрошенный заявил о своем желании понимать особенности менталитета людей, придерживающихся других взглядов.

Традиционно выполнявшие функции миротворцев, характеризующиеся высокой степенью доброжелательности по отношению к представителям разных этнических и конфессиональных групп, казаки Северного Кавказа, тем не менее, тяготеют к поддержанию образца и устойчивости своей группы посредством заключения брачных союзов с людьми с идентичным мировоззрением.

Воспроизводство идентичности казаков в значительной степени зависит от того, как они воспринимаются внешней средой. Гордость принадлежностью к группе является важным условием ее сохранения и передачи. Более половины казаков Северного Кавказа (77 %) позитивно оценивают отношение населения к казачеству. Однако в Дагестане, Северной Осетии и Карачаево-Черкесии этот показатель значительно ниже и составляет от 62 % до 54 % (при этом доля крайних позитивных суждений, указывающих на осознание особой роли своей группы, незначительна — в Дагестане и Карачаево-Черкесии она составляет 7 % и 9 %, в Кабардино-Балкарии — 12 %). Что характерно, в этих же регионах наименее выражена казачья самоидентификация среди респондентов.

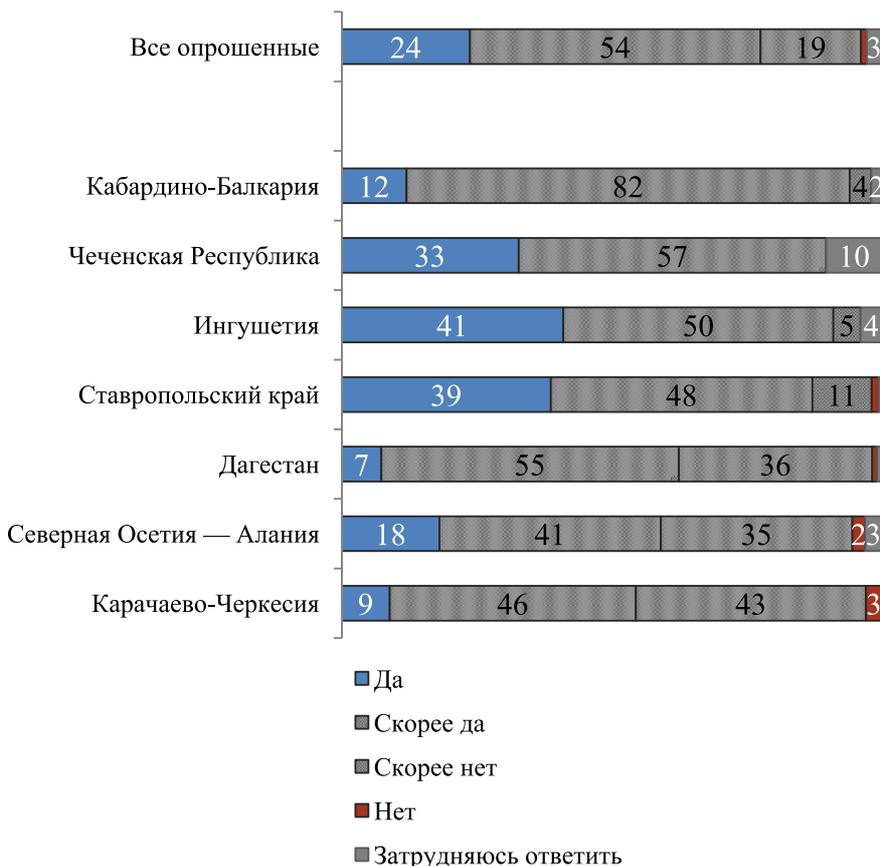

Рисунок 4. Как Вы считаете, в Вашем регионе население уважает казаков или нет? (в % к числу опрошенных)

При этом казаки обеспокоены негативным влиянием на общественное сознание деятельности отдельных акторов (организаций и политиков), выступающих против возрождения казачества и способствующих увеличению социальной дистанции между казаками и населением регионов их постоянного проживания. В результате не все решаются в публичном пространстве открыто демонстрировать свою принадлежность к казачеству, опасаясь возникновения конфликтов (что создает угрозу постепенного размывания казачьей идентичности): *«Я нигде не афиширую особенно, что я казак. Я могу упомянуть это в частном разговоре, с человеком, которому доверяю. А так что бы надеть форму и ходить по улице каждый день — будет конфликт. Очень много самих даже русских, которые являются яркими противниками казачества. Это просто средство заработка сейчас»* (ФГ, Кабардино-Балкария).

Ценностные ориентации

Казаки сохранили до наших дней свою самобытность, устойчивую систему нравственных и духовных ценностей, которая может послужить основой, примером для преодоления разобщенности в социальных средах. Казачье мировоззрение, основанное на православной вере, идее служения Отечеству, может выступать ориентиром, способствовать укреплению российского национального самосознания.

Казаки хотели бы прожить свою жизнь спокойно, работая и заботясь о семье (52 %). При этом 44 % считают для себя важным принесение пользы народу, обществу. Стремление же к инновациям и беззаботное наслаждение жизнью — стратегии, не популярные в среде казаков.

Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет чаще всего занимает активную позицию и стремится изменить мир к лучшему, приносить пользу обществу (47 %), в свою очередь старшее поколение, 45—49 лет, предпочитают спокойствие, стабильность на работе и в семье (64 %). Для молодых казаков материальные ценности имеют гораздо большее значение, чем для представителей старшего поколения — так, почти каждый третий казак в возрасте от 18 до 24 лет заявил, что целью его жизни является достижение материального благополучия (31 %), в то время как среди более зрелых казаков (от 45 лет и старше) считают для себя важным достижение этой цели менее 15 %.

Большинство казаков считают важным оставить после себя наследие, воплощенное как в воспитании детей в традициях казачества, так и в виде реализованных проектов по созданию школ, культурных центров, музеев и т. п., которыми смогут пользоваться потомки. Критерии успешности для казаков — наличие крепкой семьи (53 %), уважение окружающих (38 %), а также такие личностные характеристики человека, как честность и справедливость. Семья является основной ценностью для казаков и основным смыслом жизни (как и для большинства россиян в целом). И даже материальный достаток рассматривается скорее в контексте возможности обеспечить своим детям комфортное существование, а не как самодостаточная ценность.

В меньшей степени казаки стремятся к обладанию властью, известности (это считают показателем успешности лишь 7 %). В целом они придерживаются личностных установок, которые в основном характерны для членов традиционного общества — высокий материальный достаток относят к числу признаков, в соот-

ветствии с которыми казак может считаться успешным человеком, менее пятой части казаков (18 %).

Уважение социального окружения, вклад в развитие общества, активное участие в социально значимой деятельности воспринимаются как неотъемлемые атрибуты успешного человека. Достигнувший высокого уровня материального положения, однако никак не способствовавший развитию своей группы (казаков), не пользуется уважением и признанием — такая модель поведения не соответствует ценностной системе казачества. Ключевым механизмом, обеспечивающим воспроизводство ценностей, казаки считают систему воспитания.

В то же время реализация потенциала казачества, связанного с установкой на активное участие в обеспечении безопасности страны (что и формирует чувство удовлетворенности), серьезно ограничена неэффективностью существующих механизмов нормативно-правового регулирования деятельности казачьих общин. Получив возможность активно участвовать в общественной жизни, казаки продолжают оставаться пассивными в социально-экономических отношениях, что является следствием отсутствия продуманного и системного подхода со стороны государства в отношении к казачеству.

Нерешенным остается вопрос о привлечении казаков на государственную службу — формально декларируемые принципы на практике не работают: *«Отсутствие государственной службы российского казачества, о которой говорится много, но которая не имеет никаких осязаемых рамок. То есть идет какая-то глобальная имитация. Государство имитирует любовь в отношении казачества. Казачество имитирует так называемую службу. Ну это же ужас полный»* (Атаман, Ставропольский край). В соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2005 г. № 154 «О государственной службе российского казачества» предусмотрено привлечение казаков на государственную службу, однако эффективность реализации данного закона вызывает у казаков множество нареканий. Осуществление казаками деятельности по защите территорий и обеспечению правопорядка в большинстве случаев не носит системного характера, не обеспечивает стабильную занятость казаков — осуществляется на добровольной основе либо же на основе краткосрочных договоров, заключаемых с муниципальными органами власти: *«Государственная служба российского казачества сейчас — понятие аморфное. Для меня, как офицера запаса, государственная служба четко регламентирована. И то, что предоставили казакам, это не государственная служба. Это добровольные помощники полиции или милиции»* (Атаман, Ростовская обл.).

Отсутствие четкого механизма привлечения казаков на государственную службу, неоднозначность трактовки предусмотренной законом системы их интеграции в существующие структуры, региональные различия в реализации закона на практике привели к размыванию представлений о «государственной службе казаков» и, фактически, дискредитации данного понятия (формированию скептического отношения к предлагаемым формам участия в такой деятельности, восприятие ее как волонтерской). Условия труда сотрудников правоохранительных органов и казаков, выполняющих схожие функции в рамках договорных обязательств, значительно отличаются — казаки получают символическую плату, что приводит к росту уровня неудовлетворенности.

Как правило, на Северном Кавказе многие казаки занимаются земледелием/фермерством, рыболовством и т.п. Однако такие виды деятельности на уровне субъективной оценки роли казачества в обществе воспринимаются как вторичные, вспомогательные, позволяющие обеспечивать минимальный заработок (и такая позиция присуща большинству как реестровых, так и общественных казаков). Условий же для эффективного занятия этими видами деятельности в регионах СКФО не создано. Дисбаланс между установками и реальной ситуацией приводит к росту неудовлетворенности среди казаков, формирует угрозу размывания базовой идентичности (ядром которой выступает функция по обеспечению безопасности государства), снижению уровня сплоченности группы.

Процесс становления системы экономических отношений в макрорегионе сопровождается вытеснением казаков из тех сфер занятости, в которые они пытались интегрироваться в течение последних двух десятилетий. Отсутствие достаточных средств для содержания семьи, возможностей для самореализации негативно отражается на восприятии ситуации, снижает мотивацию на активное участие в общественно значимой добровольческой деятельности.

В целом мотивация казаков на выполнение социально значимых функций по обеспечению безопасности территорий на Северном Кавказе в настоящее время базируется преимущественно на сформированных установках и принципах. Однако в условиях высокой динамики социальных процессов условно добровольческий, вторичный статус казачьих войск в системе обеспечения безопасности создает не только угрозы распада базовых идентичностей, основанных на патриотизме, но и риски роста неудовлетворенности и конфликтности в средах, где традиционно казаки выполняли функции миротворцев, поддерживали социальную стабильность.